

Глобальная эпидемия фемицидов

Количество убийств женщин растет по всему миру. Общественного переосмысления мало – должны быть юридические и политические последствия.

«Per Giulia e per tutte» («За Джулию и за всех») – звучало на многих улицах в Италии в середине ноября 2023 года. Тысячи женщин, активисток и сторонниц движения собрались на протесты, чтобы выразить солидарность с 22-летней студенткой Джулией Чеккетин, которую убил бывший парень в ночь на 11 ноября 2023 года. Из-за возмущения убийством юной студентки началась волна протестов, которые в течение следующих недель после события стали заметными не только в Италии, но и за ее пределами.

Страница «Женщины за перемены» на Twitter/X вызывает волну эмоций, постоянно переходящих от недоверия к горю и ярости. Южноафриканская неправительственная организация занимается правами женщин и документирует все случаи убийства женщин в стране. Уровень фемицида в Южной Африке в пять раз превышает средний показатель по миру. В 2022 году ежедневно в среднем убивали девять женщин. Даже в беглом поиске видишь бесконечную, казалось бы, серию публикаций под названием «Памяти...» с портретами улыбающихся женщин – в память обо всех тех женщинах и девушках, жизнь которых внезапно оборвалась. Одна из них – Номбуэло Джессика Майкл, социальная работница, которая в последний день своей жизни ходила на судебное заседание по гендерно обусловленному насилию и фемициду.

В отчете ООН не учитывают значительную часть жертв фемицида (около 40 процентов)

Смерти Номбуэло и Джулии относятся к серии убийств женщин по всему миру, которые называют фемицидами. Этот термин обозначает крайнюю форму гендерно обусловленного насилия. В 2022 году ООН зафиксировала 89 тыс. случаев преднамеренных убийств женщин и девушек во всем мире. Пятьдесят пять процентов этих убийств совершены (бывшими) интимными партнерами или

обидчиками из окружения жертвы. Несмотря на то что в целом уровень убийств в мире снижается, количество случаев фемцида за последние 20 лет постоянно растет. И при этом цифры не дают полного представления о жестокой реальности: в отчете ООН не учитывается значительная часть жертв фемцида (около 40 процентов), поскольку они не фиксируются как гендерно обусловленные убийства из-за различий в фиксации уголовных дел и следственных практиках между разными странами.

В начале нового года нужно подчеркнуть, насколько важны непрерывные инициативы по адвокации и изменения в политике, направленные на содействие общественной трансформации и борьбу с основополагающими факторами, способствующими гендерному насилию. Но для решения этой проблемы нужен многосторонний подход, в котором признается сочетание глубинной динамики власти в патриархальном обществе, расизма и структурных неравенств.

Искоренение проблемы

Джулия и Номбуэло – две разные женщины из разных стран, ставшие жертвами одного глобального кризиса гендерно обусловленного насилия, от которого страдают женщины и девушки в разных культурных, экономических и политических контекстах. Повсеместное господство традиционных гендерных норм в патриархальных обществах поддерживает существование культуры, где насилие в отношении женщин воспринимается как норма. Эта «норма» преодолевает границы и адаптируется к различным культурным контекстам, но так или иначе подавляет женщин, где бы это ни было.

Такие стереотипы и предубеждения постоянно формируют ожидания от женственности и мужественности и создают опасные нарративы обвинения жертвы. Вследствие данного явления публичный дискурс о гендерно обусловленном насилии и фемцидах сосредоточен на «неподобающем поведении молодой девушки, которая употребляет алкоголь и сама идет домой ночью», а не на оплакивании потерянных, сочувствии и справедливом гневе. Очень важно, чтобы медиа начали рассказывать и описывать эти истории с точки зрения жертвы, избегая стилистических средств, которые

превращают их в любовные трагедии или желтую прессу.

Нам нужно отдавать приоритет инициативам, которые усиливают финансовую независимость, предоставляя женщинам ресурсы и поддержку, необходимые для того, чтобы избежать ситуаций жестокого обращения – например, приюты и другие центры помощи

Но какие еще есть причины роста количества случаев фемцида? Из-за пандемии коронавируса, когда люди были вынуждены оставаться дома, резко вырос уровень насилия в отношении женщин. Также из-за нее люди попали в условия финансовой неопределенности и экономических трудностей, которые стали ключевым фактором гендерно обусловленного насилия. Правительственные учреждения, активистки за права женщин и общественные организации во всем мире заявляли о значительном увеличении обращений за помощью на линии доверия по вопросам домашнего насилия в это время. Нарушенные системы поддержки, нарастание уже имеющегося напряжения, перегруженная система здравоохранения и ограниченная мобильность усложнили возможности для пострадавших обращаться за помощью и поддержкой.

Кроме того, на риски домашнего насилия влияет отсутствие продовольственной безопасности. Экономическая роль женщин, в частности на позиции неоплачиваемых круглосуточных сиделок, связана с более высоким риском насилия, как указано в отчете ООН. Женщины с собственным доходом чувствуют себя в большей безопасности, а риск подвергнуться насилию воспринимается как более низкий (кроме тех, которые зарабатывают больше партнера) – это иллюстрирует вредную динамику власти, из-за которой продолжаются фемциды и гендерно обусловленное насилие, а также поддерживается их связь с экономической зависимостью женщин. Таким образом, нужно отдавать приоритет инициативам, которые усиливают финансовую независимость, предоставляя женщинам ресурсы и поддержку, необходимые для того, чтобы избежать ситуаций жестокого обращения – например, приюты и другие центры помощи: в 46 европейских странах 3087 приютов имеют 39 130 доступных коек для женщин и детей, но из-за ограниченных возможностей и места помощь невозможно предоставить всем, кто в ней нуждается.

Эксперты предполагают, что женщины из этнических меньшинств и коренных групп могут сталкиваться с дискриминацией из-за таких факторов, как этническое происхождение, язык и религия

При изучении вопроса фемцидов и гендерно обусловленного насилия важно также признавать, что уязвимость женщин и девушек возрастает из-за расизма – особенно женщин и девушек из маргинализированных сообществ. Для женщин небелой расы пересечение расовой динамики с гендерно обусловленным насилием создает осложненную ситуацию в контексте фемцидов. «Перепись фемцидов», в которой фиксируются убийства женщин мужчинами в Великобритании, отмечает этническое происхождение только 22 из 110 жертв. Из-за такого отсутствия данных об этническом происхождении жертв невозможно сделать выводы и как следует изучить вопрос, поскольку при этом приходится отбрасывать культурные обстоятельства, влияния и различия между сообществами. Эксперты предполагают, что женщины из этнических меньшинств и коренных групп могут сталкиваться с дискриминацией из-за таких факторов, как этническое происхождение, язык и религия. Такие предубеждения становятся причиной того, что у них повышен риск различных трудностей, в частности ограниченного доступа к здравоохранению или больших шансов подвергнуться насилию со стороны незнакомых людей. Наконец, многие женщины небелой расы вообще боятся обращаться в полицию, опасаясь дискриминации или отсутствия поддержки, что не позволяет сформировать эффективные стратегии, которые должны помочь уязвимым сообществам.

Крайне необходимо, чтобы в решении этих вопросов участвовали правоохранительные органы. Юридические и политические меры должны учитывать структурное неравенство, которое непропорционально влияет на уязвимые сообщества. Очень важно,

чтобы обработку данных о фемцидах контролировали активистские группы и общественные организации, а также члены семей жертв и другие заинтересованные стороны, которые хотели бы подорвать вредные нарративы и достичь большей видимости обсуждения.

Законодательные изменения продолжаются?

От Италии до Южной Африки и Америки в последние годы феминистские движения, общественные организации и международные организации прилагают значительные усилия для включения фемцидов в политическую повестку дня. Но достигли ли эти усилия какого-то успеха? Как показывает исследование Европейского института гендерного равенства (EIGE), предотвращение фемцидов тесно связано с прописанными в законе реакциями на домашнее насилие. Общественное переосмысление составляет лишь одну часть уравнения – должны быть юридические и политические последствия.

Если посмотреть на последние законодательные изменения в Италии, сразу можно заметить один серьезный недостаток: расходы правительства на борьбу с гендерно обусловленным насилием за последние десять лет выросли более чем вдвое, но уровень фемцида не снизился. Это из-за того, что большие суммы используются на помощь пострадавшим от насилия, а не на предотвращение. В Южной Африке все наоборот: Южноафриканская национальная ассамблея недавно приняла *Законопроект о гендерно обусловленном насилии и фемцидах 2023*. Эта инициатива направлена на улучшение способности системы правосудия реагировать на гендерно обусловленное насилие с помощью улучшенной охраны правопорядка, обучения полиции и процессов правосудия. На первый взгляд это нововведение кажется прогрессивным, однако оптимизм, который сначала почувствовали активистки и женщины-борцы, быстро приглушился: министр социального развития Южной Африки Линдиве Зулу потеряла 100 млн рандов, которые должны были бы помогать пострадавшим от гендерно обусловленного насилия, передав эти средства нерабочим общественным организациям, которые не занимаются этими вопросами. Это яркий пример пробела между законодательной инициативой и ее эффективной реализацией на практике.

Ясно одно: нельзя прекращать рассказывать о Джулии и Номбуэло, а также обо всех других жестоко убитых женщинах и девушках по всему миру. Их истории должны способствовать коллективным

действиям, для которых нужно не просто сочувствие, а системные изменения и постоянное усиление голосов тех, кто до сих пор был вынужден молчать.

Тереза Бекманн
Брюссель

Тереза Бекманн (Theresa Beckmann) работает в офисе Фонда им. Фридриха Эберта в Брюсселе в редакции журнала International Politics and Society.